

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль и задача настоящаго изданія—подѣлиться съ любителями русскихъ книжныхъ знаковъ тѣми данными и матеріалами по собиранію этихъ незамѣтныхъ и не ложныхъ свидѣтелей любви къ книгѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показателей развитія образованности въ русскомъ обществѣ, которыя накопились у меня за послѣдніе 3—4 года, т.-е. за время, когда интересъ къ этимъ знакамъ явился и у насъ въ Россіи. Уже одно то обстоятельство, что не далѣе какъ лѣтъ пять тому назадъ у насъ не было и помину о такихъ коллекціяхъ, а теперь ихъ насчитываютъ десятками, журналы интересуются этимъ вопросомъ, и многіе лучшіе художники прилагаютъ свой талантъ на созданіе книжныхъ знаковъ, ясно свидѣтельствуетъ, что увлеченіе это явилось совершенно своевременнымъ и насущнымъ. А разъ это такъ, то для всякаго любителя, какъ начинающаго, такъ и уже обладающаго хорошимъ собраніемъ, несомнѣнно было бы очень интересно имѣть подъ рукой нѣчто въ родѣ практическаго руководства, которое дало бы ему свѣдѣнія о возможно большемъ количествѣ извѣстныхъ уже типовъ русскихъ книжныхъ знаковъ, ихъ вариантахъ, художникахъ, времени появленія на свѣтъ, наконецъ, по возможности, объ ихъ владѣльцахъ и самихъ библіотекахъ. Это соображеніе побудило меня приступить къ настоящей работѣ, тѣмъ болѣе, что литература по этому вопросу болѣе чѣмъ бѣдна. Если не считать случайныя, отрывочныя замѣтки въ „Извѣстіяхъ по литературѣ“ Тов. М. О. Вольфъ, „Антикварѣ“ Н. В. Соловьева, „Печатномъ Искусствѣ“ О. І. Лемана и въ нѣкоторыхъ другихъ иллюстрированныхъ журналахъ,—у насъ существуетъ лишь одна работа, специально посвященная этому дѣлу, именно В. А. Верещагина—„Русскій книжный знакъ“. Но это прекрасное, даже роскошное изданіе затрогиваетъ только внѣшнюю сторону вопроса, иначе говоря, заключаетъ въ себѣ лишь общій историческій очеркъ появленія въ Россіи книжнаго знака и способы классификаціи этихъ знаковъ въ коллекціяхъ по ихъ внѣшнимъ достоинствамъ и особенностямъ. Правда, помѣщенные въ немъ

рисунки наиболѣе интересныхъ, а равно и рѣдкихъ русскихъ ex-libris'овъ даютъ много для собирателя, но ихъ относительно незначительное количество, отсутствіе описанія вариантовъ и свѣдѣній о владѣльцахъ отнимаетъ у этого, прекраснаго труда возможность служить чисто-практическимъ руководствомъ. Чтобы выполнить этотъ пробѣлъ и дать опытъ практическаго именно руководства, я и предпринялъ настоящую работу.

Сводя въ одно цѣлое накопившіяся у меня данныя, я держался слѣдующаго. Во-первыхъ, я не ограничился описаніемъ книжныхъ знаковъ однихъ лишь частныхъ собраній, а включилъ знаки и библіотекъ общественныхъ, учреждений и для чтенія, считая, что каждаго любителя должна интересовать не одна лишь внѣшность знаковъ или ихъ количество, но прежде всего ихъ значеніе, какъ показателя развитія любви къ книгѣ. Во-вторыхъ, я остановился на восьми лишь хорошо мнѣ извѣстныхъ московскихъ коллекціяхъ, заключающихъ въ себѣ свыше 6000 русскихъ книжныхъ знаковъ упомянутыхъ категорій и ихъ вариантовъ. Имѣя подъ руками такое количество знаковъ, я не только могъ описать ихъ съ полной точностью и наблюсти и отмѣтить варианты, но имѣлъ уже право считать эти коллекціи, какъ почти исчерпывающія извѣстные пока намъ русскіе книжные знаки. Хотя многіе иногородніе собиратели, узнавъ о предпринятомъ мною трудѣ и предлагали мнѣ свои коллекціи, но невозможность все равно исчерпать всѣ собранія, трудность пересылки ихъ по почтѣ, отвѣтственность за храненіе у себя чужихъ коллекцій, наконецъ, неизбѣжность при этомъ разныхъ недоразумѣній, все это заставило меня отказаться отъ любезныхъ предложеній и ограничиться упомянутыми восемью московскими собраніями, которыя принадлежатъ А. А. Бахрушину, А. П. Бахрушину (нынѣ въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ), Ф. В. Веркмейстеру, М. Я. Парадѣлову, А. М. Старицыну, В. К. Трутовскому, Д. В. Ульянинскому, и мнѣ и, которыя, думается мнѣ, являются и самыми полными и самыми старѣйшими по времени возникновенія ихъ. Пользуюсь этимъ случаемъ высказать владѣльцамъ этихъ коллекцій свою глубокую признательность за самое любезное, самое широкое предоставленіе мнѣ права пользоваться ихъ сокровищами въ интересахъ моего изданія.

Какъ исключеніе, вполнѣ понятное, отдѣлъ книжныхъ знаковъ Высочайшихъ Особъ составленъ у меня по всѣмъ вообще извѣстнымъ мнѣ собраніямъ, независимо отъ вышеупомянутыхъ московскихъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, рассматривая каждый отдѣльный знакъ (ярлыкъ или оттискъ штемпеля), главнымъ образомъ какъ своего рода памятникъ, свидѣтельствующій о существующемъ или когда-либо су-

ществовавшемъ книжномъ собраніи, а не какъ самостоятельное произведение печати или искусства, я счелъ важнымъ, рядомъ съ описаніемъ самага знака и его вариантовъ, привести, по возможности, и краткія біографическія свѣдѣнія объ его владѣльцѣ, а также, при случаѣ, и данныя о самомъ собраніи и его судьбѣ, конечно, въ зависимости отъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ. Эта часть работы несомнѣнно была самая трудная и явилась наименѣе удовлетворительной. Не говоря уже о трудности найти свѣдѣнія о какомъ-нибудь скромномъ и неизвѣстномъ владѣльцѣ книжнаго собранія, быть можетъ и очень большого, часто трудно было установить и самую личность собирателя, раскрыть его инициалы или гербъ, не смѣшать его съ однофамильцемъ и т. п. Такимъ образомъ, эта часть должна страдать большими пробѣлами, но *fecit quod potuit* и за всякое указаніе, добавленіе, исправленіе и вообще за всякое новое свѣдѣніе по затронутымъ здѣсь вопросамъ я буду глубоко благодаренъ.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ высказать свою признательность всѣмъ лицамъ, такъ или иначе оказавшимъ мнѣ содѣйствіе при составленіи настоящаго труда, въ особенности же В. К. Трутовскому и Д. В. Ульянинскому за ихъ полезные совѣты и указанія и В. А. Верещагину за крайне любезное предоставленіе въ мое пользованіе для моей работы клише его изящнаго и прекраснаго труда.

У. Г. Иваскѣ.

Москва,
17 ноября 1904

4- . . . =
 . . . =
 . . . =
 . . . =
 . . . —
 . . . =
 . . . —
 . . . =
 . . . =
 . . . =
 . . . =
 . . . —
 . . . ==
 . . . —
 . . . =
 . . . =
 . . . —
 . . . —
 . . . —
 . . . —
 . . . —

•

ex-libris — ; —
ex-Jibris — ”

”